

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Группа «Крематорий»	9
Гарик Сукачев	15
Группа «Браво»	22
Группа «Тайм-Аут»	28
«Черный обелиск». Трибьют	35
Группа «Тараканы!»	39
Группа «Манго-манго»	46
Борис Гребенщиков и группа «Аквариум»	50
Группа «Квартал»	57
Группа «Сплин»	64
Александр Маршал	71
Александр Розенбаум	81
Михаил Жванецкий	89
Олег Митяев	101
Группа «Разные люди»	115
Александр Васильев	122
Сергей Воронов и группа «CrossroadZ»	128
Валерий Сюткин	136
Группа «Би-2»	147

Сергей Бобунец	154
Владимир Пресняков-младший	161
Группа «Любэ»	167
Группа «TequilaJazz»	177
Алена Свиридова	184
Линда	192
Горан Брегович	200
Группа «Чиж и Ко»	206
Сергей Галанин и группа «Серьга»	213
Найк Борзов	221
Юрий Лоза	226
Группа «Несчастный случай»	235
Инна Желанная	245
Группа «Маркшейдер Кунст»	249
Группа «Ногу свело»	255
Леонид Агутин	260
Группа «Ария»	269
Владимир Кузьмин	278
Группа «Мегаполис»	287
Группа «А'Студио»	296
Светлана Сурганова	306
«Квартирник» к 85-летию Юрия Визбора	315
Группа «Алиса»	326

ПРЕДИСЛОВИЕ

Друзья, всего добрейшего! Вот уже почти пять лет как на российском телевидении есть такая радующая душу (как минимум мою и членов моей команды) программа «Квартирник у Маргулиса». Проект редкий и поистине уникальный. Всегда живой звук, редкие гости и любимые зрители!

Проект задумывался как авторский — «Квартирник» имени меня. Но сейчас, спустя десятки выпусков, можно смело сказать: каждый, кто был причастен к программе, так или иначе стал неотъемлемым звеном нашей крепкой цепи. «Квартирник» объединяет сотни людей по всей России, независимо от пола, возраста, социальных и политических условностей. Важно только одно — любовь к хорошей музыке.

Да, все выпуски «Квартирника» в любой момент можно посмотреть на YouTube. Но мы решили осваивать разные форматы! Теперь мы с вами — еще и в тексте. В этой книге собраны тексты интервью звезд российской эстрады 80-х, все они приправлены моими подводками-впечатлениями о каждом исполнителе и редкими фотоснимками.

Читайте с удовольствием и смотрите «Квартирник»! Увидимся на НТВ!

Евгений Маргулис

ГРУППА «КРЕМАТОРИЙ»

«Армен Григорян — прекрасный артист и восхитительный собеседник, одно здоровье с ним общаться и слушать его отменные песенки. Прямо возвращение в молодость!» — Евгений Маргулис.

Армен Григорян: С вашего позволения, Женя, с твоего тоже, я представляю музыкантов.

— Да, это ж твои музыканты!

А. Г.: Потому что ты меня представил, а я как-то, в общем-то, не представляю себя без них! Николай Коршунов — играет у нас на бас-гитаре. Андрей Ермола — играет на барабанах. Этого молодого человека вы узнали абсолютно правильно: он исполнял главную роль в мультфильме «Каникулы Бонифация» — Владимир Куликов! Маэстро Максим Гусельщиков! И невидимый член нашей группы, я даже не знаю, где он сейчас сидит, наш великий и могучий звукорежиссер Сергей Овсянников по прозвищу Ежик!

— И, конечно же, великий сын армянского народа, который по версии журнала под названием «Ноев ковчег», оказывается, самый известный московский армянин, входящий в десятку лучших армян Москвы. Армен Григорян!

(Аплодисменты.)

— Вообще удивительно. Мы, когда разговаривали с Арменом, что-то стали вспоминать былое и думы и вспомнили первую песню, которая сейчас прозвучала, «Катманду» — это как раз название того места, где он жил. А я жил на Войковской — тоже где-то рядом, и это место называлось Шанхай. По гнусности это были одинаковые места.

Я посвятил Войковской «Шанхай-блюз», а он — «Катманду». То есть мы, оказывается, ребята из одного рэндисмана. Я хочу вам сказать, что он учился в 167-й школе, а в 167-й школе, пока ее не перевели (она была раньше на «Аэропорте»), преподавала моя мама. Так что у нас есть какие-то такие достаточно веселые сцепки. Ну что, будем играть? Делай все что хочешь.

А. Г.: Раз уж ты вспомнил наши годы, давайте тогда и споем об этом.
(Поют песню «2001 год».)

— Хочу вам сказать, что команда весьма громкая! Как мог ты, о великий сын, играющий на квартирниках в 80-е годы тихую музыку, — перейти именно на этот рок, потому что ты только что делал две характерные рок-позы: скакал, поворачивался к барабанщику. Как так? Потому что тот формат передачи, который мы затевали, предполагал, что это будет квартирник-квартирник — старческая музыка. Вы же пожилые артисты? Акустические гитарки, скрипочка, немножко барабаны, ну контрабас — хрен с ним, так получилось! Как так, Армен-джан?

А. Г.: Евгений, дело в том, что когда я перешел от портвейна к другим напиткам и стал...

— Ты хвастаешься?

А. Г.: Да. И стал экспериментировать с алкоголем, ушел в сторону коктейлей, то же самое произошло и в музыке. Я вдруг стал мешать жанры. И это дало такие результаты, то есть музыка стала разножанровой. Но то, что ты говоришь о скрипочке, — мы можем сыграть и такую музыку!

— Да вы не умеете!

А. Г.: Умеем! Глядя в зал и видя такое количество прекрасных дам, хочется сыграть что-нибудь...

— Неужели у вас есть тихая песня сейчас?

А. Г.: Есть!

— Давай!

А. Г.: Мы сейчас с Максом вдвоем ее сыграем. Посвящаем всем дамам, которые иногда ощущают себя кошками сексуальными.

(Песня «Сексуальная кошка».)

— Вообще для меня удивительно... какого года эта песня?

А. Г.: Точно могу сказать — это 86-й год.

— То есть с первого вашего магнитного альбома?

А. Г.: Второго или третьего — «Иллюзорный мир».

— Вот для меня странно, потому что я помню музыку, скажем, Москвы 83—86-го годов. Ну, 83-й — это царствование «Машины времени», «Аракс» и подобные люди, Юрий Антонов, и вдруг появляется такая московская группа с красивым названием, очень радостным, очень таким витальным и начинает играть подобные песенки — достаточно депрессивно и по-питерско-свердловски. Вот мне почему-то так кажется.

А. Г.: Ну, отчасти, да.

— Зная тебя, как страшно веселого парня... Откуда у парня испанская грусть?

А. Г.: Я всегда играл тяжелый рок. Я очень любил Black Sabbath. Мы пытались играть Джимми Хендрикса. Мы, кстати говоря, ходили на ваши концерты и слушали, как вы играете. Но когда однажды на квартирке у одной известной дамочки, ныне покойной, я услышал Майка Науменко — он все перевернул. Я вдруг понял, что главное в музыке — не поэзия, в песенном жанре. Главное — нарисовать картинку, как это делал он. Если ты, слушая музыку, что-то видишь, как примерно, когда читаешь хороший роман и видишь картинку — скажем, Булгаков: ты видишь солнце, которое падает в Средиземное море, видишь, как идет Понтий Пилат и как страдает Иисус на кресте, то это — настоящее искусство. Не важно, не надо ничего объяснять. И вот Майк это все повернул. Поэтому «питерские» нотки появились в «Крематории» не случайно. Это было под влиянием Майка, тем более что я жил на улице Смольной, недалеко от кинотеатра «Нева», в Ленинградском районе. То есть ветер с Невы туда задул.

— Ну, Майк, как учитель — конечно, тебе повезло! Я с Майком познакомился в 1976 году, ребят, на одной из каких-то свадеб Бориса Борисовича Гребенщикова. Это был Питер. У Борьки была свадьба. Я уже не помню с кем, но это уже не важно. И, конечно же, мы страшно любили играть любую музыку. Играли «Битлов», «Роллингов»,

что-то там еще играли. Я думаю, что это не войдет... Мы нажрались, просто как последние свиньи, и падали около микрофонных стоек, потому что это был конец свадьбы и прочее, и прочее. И ходил какой-то нелепый юноша, который нас поднимал с пола, ставил к микрофону. Мы что-то там «домычивали», и этим человеком оказался Майк Науменко, с которым я подружился уже после. Царствие ему небесное, он был гениальный человек. У тебя отличный учитель! Он был мой близкий-близкий товарищ! Ну, играйте!

А. Г.: Так, ну что, по желанию трудящихся сыграем что-нибудь...

— Слушай, а какая у вас песенка стала, вот, самым первым таким радиохитом? «Эльза» или нет?

А. Г.: Нет, «Ветер». «Мусорный ветер», да.

— Сыграешь?

А. Г.: Сыграю, пожалуйста.

— Не жалко?

А. Г.: Нет, не жалко. Но я должен сказать, что это произошло случайно. То есть она вообще никуда не должна была войти, и я написал эту песенку для Театра Спесивцева на Красных Воротах, причем для пьесы «Барабаны в ночи» по Бертольду Брехту. Она совершенно случайно вошла на радио. Но вот пешечка, да стала королевой! Да, действительно!

(Песня «Мусорный ветер».)

А. Г.: Сейчас очень сложно писать песни о любви. О смерти писать просто, а вот о любви...

— У тебя гитара не строит.

А. Г.: Да? Эта строит. Поехали-поехали, ничего страшного. За любовь — что движет солнце и светило.

(Песня «Амстердам».)

— Слушай, я обратил внимание, вы даже не представляете, как двусмысленно звучит объявление группы после конца песни: «Крематорий»! Кайф! Слушай, я хочу тебе задать один нелепый вопрос. Ты ж всегда со скрипкой играл или нет?

А. Г.: В первом альбоме еще и флейта появлялась. А потом Миша Россовский — сейчас, к сожалению, уехал давно, но вот он... да, внес

скрипку, и как-то так понеслось со скрипочкой. Но все это получилось, потому что начали уже играть на флэтах, когда было время запрета, и мы не могли играть в больших... Вот вы еще играли, по-моему...

— Нет, мы играли, конечно.

А. Г.: Вы играли, в филармонии были, все... А все остальные...

— Нет, в филармонии мы были потом! До этого, пока мы были босóтые, как вы в 70-е, конечно...

А. Г.: Все-таки... уколел!

— ...мы, конечно, играли квартирники. И у нас, я помню, вход был — бутылка портвейна (денег нам никто не давал), ну и какая-то нехитрая снедь — частичка в томатном соусе и прочее, прочее. И можно было переночевать, потому что каждый что-то приносил...

А. Г.: Но вы неинтеллигентно как-то очень себя вели!

— Послушай, во-первых, я постарше тебя буду, я раньше начал...

А. Г.: Я поэтому и не сажусь. Видишь, стоя, стою перед тобой!

— А-а! Арменчик, все, что хочешь!

А. Г.: Ну, давайте всем обездоленным, брошенным на произвол судьбы миллионам, разбросанным по этой планете, до которых никому нет никакого дела, всем униженным и оскорбленным...

— Ну, конечно, песня веселая, как водится.

А. Г.: Ну, она задумчивая. Это так — немножко полистаем Шекспира, я б сказал.

(Песня «Пиноккио».)

А. Г.: Мы можем много что сыграть.

— У меня ребята голодные. Они могут играть сколько угодно!

А вообще прикольно! Я сижу и вот получаю удовольствие оттого, что Ара играет на Аниной кухне...

А. Г.: Ну, на кухне — тогда мы сыграем про девушек, вальс еще. Ты знаешь, кстати, рассказ такой. Однажды мы играли на юбилее у Родиона Константиновича Щедрина. Он пришел с Майей Плисецкой. Был юбилей в «Останкино». Нас пригласили, видимо, из-за названия, думая, что приедут крутые «металлисты». Но мы приехали, сыграли один блюз и пару вальсиков. И заходит, значит, Родион Константи-

нович с Майей Плисецкой, говорит: «Ребят, я думал, вы такие сейчас выйдете, а вы-то играете всего лишь вальсок!» Через несколько дней, так как окружение было журналистское: «Родион Константинович назвал жанр, в котором выступает группа «Крематорий», «вальс-рок!» И после этого к нам это прилипло.

(Песня «Клубника со льдом».)

— Наконец-то оправдали свое название. Это веселая группа, ребята!

А. Г.: Мне смешно, когда говорят: «Крематорий» поет о смерти. Ничего подобного! Мы всю жизнь воспеваем саму эту жизнь. Как сказал Шопенгауэр: «Надо жить так, как будто завтра смерть». То есть жить насыщено.

— Я хочу вам сказать, вы знаете... Поправь, если я что-то подзабыл. По-моему, вы какое-то время тусовались в «Рок-лаборатории», где-то в середине 80-х. Было такое дело?

А. Г.: Ну, нас забрали. Мы играли концерт в доме Булгакова, в подвале. И нас там взяли. Пришлось написать бумажку, что мы больше не даем концертов, и ждать, пока нам позвонят. Нам позвонили, мы поехали в «Рок-лабораторию», выступили там на фестивале, заняли первое место, нам вручили похожий на фаллос приз...

— И что там было написано?

А. Г.: «Лучшей группе всех времен и народов».

— Играй!

А. Г.: Кто б мог подумать! Самая наша...

— Yesterday-yesterday...

А. Г.: Number two. Самая жизнерадостная песня. Все жизнерадостные, но эта — особенно!

(Песня «Маленькая девочка со взглядом волчицы».)

А. Г.: Спасибо вам! Я полагаю, что если вы все, кто сидит здесь и кто смотрит нас, относитесь к нам с любовью, то знайте, что ваше чувство взаимно всегда!

Из зала: Бис! Еще!

А. Г.: Ну, давайте тогда...

(Песни «Веселый ансамбль», «Безобразная Эльза».)

ГАРИК СУКАЧЕВ

«Гарик Иванович — снег и ветер, огонь и вода, Сцилла и Харибда нашей многострадальной эстрады. А если на это все еще накладывается его дэрэ, то тут вообще тушите свет и забивайте входные двери — на вас надвигается Горыныч!» — Евгений Маргулис.

— Гарик Сукачев на «Квартирнике»!

Гарик Сукачев: Да, это я, это мы. Ребят, между прочим, в этом году — можете тоже как-то аплодировать нам с Саней — двадцать лет «Боцману и бродяге» (совместный проект Гарика Сукачева и Александра Скляра. — *Прим. ред.*), нашему братскому проекту. Ты, Сань...

— А не погано встретили Саню Скляра? Саня Скляр!

(Аплодисменты.)

Г. С.: Гитару возьми, Сань. Там что у нас? Си-минор мы играем. «Ничего не надо» мы решили спеть.

Александр Скляр: Да ладно?

Г. С.: Да, старик, я тоже не очень помню слова, но песня хорошая, мы вот действительно ее просто не пели с тех пор, как вышел «Боцман и бродяга», вообще ни разу эту песенку.

А. С.: Точно.

Г. С.: Что точно? Я тебе говорю ответственно. Вот сейчас мы споем. Все напрягаются. Поехали! Все как-то внутренне напряглись.

А. С.: Ну, конечно, давно не пели.

(Поют песню «Ничего не надо».)

Г. С.: Ребята, между прочим, можете еще раз похлопать — Сане дали звание заслуженного артиста России.